

— Я думал, что наша с Серёжей неудачная рыбалка перед моей поездкой в Ленинград, когда мы возвращались по расквашенному льду, была последним выездом на лёд в этом сезоне, тем более, что температура в последующие дни держалась плюсовая: плюс один - плюс три градуса, днём, по крайней мере. Однако, вернувшись из Ленинграда, я заметил, что по вечерам на улицах встречается ещё много рыбаков с пешнями и рюкзаками, возвращающихся с рыбалки. Я, конечно, подходил и спрашивал - где были, как ловилось, как лёд, и выяснил, что это всё в основном рыбаки-плотвишники, с Куршского залива, что лёд там нормальный, на мотоциклах ездят, и плотва, и окунь ловятся хорошо, по десять и больше килограммов налавливают.

— Я загорелся поехать - последние, можно сказать, дни сезона. Предложил поехать со мной на мотоцикле Серёже и Коренькову, те с радостью согласились. Поехали в Каширское, куда мы ездили с Шевчуком, самое близкое от нашего дома место на Куршском заливе - 25 километров всего. День был будний, народу на берегу не было никого, но дорога на льду видна была отчётливо, немного раскисшая, но вполне проезжая и со свежими, явно сегодняшними следами колёс.

— Шёл мокрый снег, в городе температура была около нуля, здесь же слегка минусило, дул сильный северо-западный ветер. Долго не размышляя, мы отправились по дороге, которая вела на северо-восток вдоль мыса на расстоянии не более полукилометра от берега. Так ехали 8 километров и за это время лишь раз забуксовали в снежной каше. Мотоцикл шёл как танк.

— У мыса от дороги веером разошлось множество колеи во все стороны. Мы поехали туда, где вдали виднелись какие-то фигурки, судя по всему - рыбаков. Вскоре стали попадаться лунки, чем дальше, тем больше, и мы решили, что хватит кататься - надо ловить. Сели, расчистили чьи-то старые лунки, едва затянутые ледком и присыпанные снегом, размотали снасти и начали пробовать ловить на мотыля.

— По совету Шевчука я в качестве грузила использовал мормышку, которую тоже наживлял мотылём и которая лежала на дне, а выше - в сантиметрах пяти над ней болтался на поводке крючок с мотылём. Так вот поклёвки были почему-то чаще всего именно на мормышку, причём рыба в этом случае не топила поплавок, а, приподнимая со дна мормышку, удерживающую поплавок притопленным, поднимала и поплавок, так что он чуть-чуть всплывал и наклонялся набок.

— Я сначала даже не мог понять, что это поклёвка, и что в этот-то момент и тащить надо. А потом освоился - лёгкая подсечка и чувствуешь - есть! Попадалась в основном плотва, вся как один крупная, мерная - граммов по триста - четыреста, реже - краснопёрка такого же калибра, отличающаяся золотистой окраской и более яркими красными плавниками, попался и один подлещик.

— Поймал я всего таким манером 22 штуки часа за два, потом клёв прекратился. У Серёжи же и Коренькова, которые ловили недалеко от меня, вначале совсем не клевало, они пересели поближе ко мне, потом сели совсем рядом, но всё равно - я таскаю, они нет. Зато, когда у меня перестало клевать, у них оживилось - сначала у Серёжи, который поймал 6 штук, потом у Коренькова, который приспособился вытаскивать плотву уже перед самым уходом, поймал 10 штук и не хотел уходить.

— Это был второй мой зимний выезд на плотву (первый с Шевчуком на "Жигулях"). До сих пор я к зимней ловле плотвы относился с предубеждением - её, мол, можно и летом ловить, а зимой надо корюшку и судака.

— Теперь же я оценил прелести плотвиной зимней рыбалки: плотва ловится более крупная, чем летом, к тому же с икрой, которая в вяленой плотве для многих вкуснее самой плотвы, ловить её веселее, чем судака, - там ждешь поклёвки полдня, а здесь таскаешь как корюшку, но корюшку, когда тащишь, почти не чувствуешь, что там 30-50 граммов, а крупная плотва на лесе ходит - будь здоров, и поводки рвёт, и крючки ломает.

— Прошло ещё три дня, погода стояла такая же - около нуля. В субботу, 11 марта, целая компания из университета отправилась на Калининградский залив за судаком, якобы там лёд ещё пеших держит. Поехал и я с ними в надежде поправить в последний момент свой неважный судаковый баланс этого года.

— Вышли в Валетниках - Хорюков, Таранов (два неразлучных Володи), третий Володя - Смертин, Лёнька Захаров и я. Пошли по дамбе, совсем обеснеженной уже. У "шести деревьев" (группа из шести стоящих рядом одинаковых деревьев на пустынной дамбе далеко видна со стороны залива и является всем хорошо известным ориентиром), где обычно сходят на лёд, чтобы двигаться дальше к маяку, - забереги, полоса воды между льдом и берегом шириной в 10-20 метров. Решили идти дальше, на Бальгу, к мысу, там, говорят, заберегов нет и можно зайти на лёд.

— Пошли. Погода тем временем портилась. Раскочегарился сильный северо-западный ветер, который дул "в левый глаз" и оказывал заметное сопротивление ходьбе, пошёл мокрый снег, но мы упрямо двигались вперёд. Наконец, дошли до мыса. Заберегов здесь, действительно, не было, и мы вышли на лёд. Вид у него был непривлекательный: рыхлый, тёмный, пропитанный водой. Трах пешней! - и насквозь. Толщина сантиметров пять, трещины.

— Ну его на фиг! - твёрдо заявил Хорюков. - По такому льду пусть Таранов бегает. Он у нас большой любитель. — Да-а, ледок хиловат, - грустно констатировал Смертин.

— Лёнька бегал туда-сюда и всюду проверял лёд на крепость пешней - везде пробивалось с одного удара. Один Таранов держался бодро и призывал быть смелее и двигаться дальше - не проваливаемся же, значит, держит лёд, и надо за судаком бежать, тем более, что здесь от берега всего километра полтора пройти надо. Мы было двинулись за ним и прошли метров двести, но остановились - трещины встречались всё чаще, ветер крепчал и... благоразумие победило, мы повернули назад.

— Возвращались опять по дамбе, лишь Таранов пошёл вдоль неё по льду посмотреть, может, есть где-нибудь участок льда понадежнее и можно будет всё же сбегать половить, чего-нибудь, хоть корюшку. Сначала мы его не теряли из виду, потом его фигура скрылась за камышами. Некоторое время мы шли, не беспокоясь о нём, думая, что он вскоре вылезет где-нибудь из камышей на дамбу. Но Таранов не появлялся.

Обеспокоенный Хорюков крикнул:

— Таранов!

— Тот не откликается. Хорюков завопил во всю мочь:

— Тара-а-а-нов!

— Нет ответа. Опять вопль Харюкова, в котором появились уже явственно оттенки испуга не на шутку.

— Да не кричи ты. Вон он через камыши ломится, - заметил, наконец, Таранова Лёнька.

— А куда он на фиг денется! - моментально повеселев, заявил Харюков. Я расхохотался от этой его реакции.

— Чего смеёшься? Анекдот вспомнил? - спросил меня Харюков.

— Какой анекдот?

— Не знаешь, разве? - это же из анекдота: а куда он на фиг денется.

— Не знаю. Расскажи.

— В тюрьме надзиратель обходит камеры. - Иванов! - Здесь я! - Петров! - Здесь. - Сидоров! - Молчание. - Сидоров! - Опять молчание. Надзиратель бросается к глазку - не видно. Трясущими руками открывает замок, распахивает дверь, орёт: - Сидоров! - Ну, здесь я, здесь. - А куда ты на фиг денешься! - ласково так говорит ему надзиратель.

— Я опять заржал. Очень мне понравилось.

— Так мы весело и дошагали до Валетников. Но поезд был ещё не скоро, только в четыре часа, и мы решили пешком идти в Ладушкин, на автобус. От мыса до вокзала в Ладушкине дошли примерно за два с половиной часа. Взмылились ужасно. Температура

плюсовая, а мы все в зимней одежде, Лёнька так даже в ватных штанах, а когда снег шёл, так ещё и проолифенки (1) сверху были надеты. Всего мы прошли в полной амуниции с пешнями на плечах и почти без привалов больше 20 километров: от Валетников до мыса по дамбе семь километров, обратно столько же и от Валетников до Ладушкина тоже семь.

—(1) Проолифенка - оранжевый рыбацкий непромокаемый костюм: куртка с капюшоном и высокие брюки на помочах, вроде комбинезона, из проолифенной ткани. Госцена 51 руб. Рыбаки продавали их на барахоловке новенькими за 25, 20, 15, 10 рублей - кому как повезёт. Я их покупал в разное время три и одну купил у какого-то алкоголика за 6 рублей, так тому, видно, невтерпёж было. А вещь незаменимая для рыбалки, зимой - от ветра, летом - от дождя.

—В Ладушкине мы зашли в магазин, скинулись по рублю, взяли портвейна и в ожидании автобуса отметили на вокзале окончательное закрытие сезона зимней рыбалки, за который я поймал всего четырёх судаков, но зато приобщился к зимней ловле плотвы.

—На следующий день мы узнали, что на Куршском заливе в то самое время, когда мы топали по дамбе туда-сюда, от северного берега, то есть от Куршской косы оторвало льдину, точнее, целое ледовое поле, на котором находилось 800 рыбаков. Спасали их целые сутки - вертолётными, лодками, но, как водится в таких случаях, без жертв не обошлось - несколько человек, отставших от толпы, пропало.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)